

Юрий Вячеславович Сотник
Эликсир Купрума Эса
Серия «Веселые истории в школе и дома»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=139829
Юрий Сотник. Эликсир Купрума Эса: РИПОЛ классик; Москва; 2014
ISBN 978-5-386-07507-1

Аннотация

В одной обычной школе, где учились самые обыкновенные ученики и ученицы, был один очень необычный и подозрительный учитель химии – Куприян Семенович (по прозвищу Купрум Эс). Именно из-за него, а точнее изобретенного им эликсира, в школе стали происходить странные случаи. Обыкновенную девочку Зою Ладошину слушали все, от директора до милиционера. Как это могло произойти, почему и чем закончилась история – узнайте вместе с героями этой фантастической повести.

Содержание

Юрий Сотник	4
Глава первая	5
Глава вторая	9
Глава третья	15
Глава четвёртая	19
Глава пятая	23
Глава шестая	29
Глава седьмая	34
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Юрий Сотник Эликсир Купрума Эса

Юрий Сотник

Вот как Юрий Сотник отзывался о своих произведениях: «Я предпочитаю танцевать от характеров».

Юрий Вячеславович Сотник, знаменитый русский писатель, родился во Владикавказе в 1914 году в семье художника. Свой первый рассказ о котёнке, живущем в их коммунальной квартире, он написал ещё в четвёртом классе.

После окончания школы Юрий Вячеславович много путешествовал по России, был сплавщиком на реке Лене, побывал на Кольском полуострове и на Ленских золотых приисках.

В 1938 году он вступил в литературное объединение при издательстве «Советский писатель». Первый его рассказ под названием «„Архимед“ Вовки Грушина» вышел в 1939 году. В нём автор рассказал о своём детском желании – самому построить подводную лодку. В последующие годы Сотник создавал много рассказов и повестей о жизни подростков, которые попадали в разные приключения.

Будучи фантазёром, Сотник придумывал самые весёлые и поучительные истории для детворы. Он воспринимал детей такими, какие они есть, – озорными, непослушными, готовыми на самые неожиданные выходки. Ведь детство – это дар, воспоминание о котором человек хранит всю жизнь. Именно поэтому важно вовремя направить в нужное русло детскую энергию, которая приводит иногда к самым непредсказуемым поступкам. Именно такие неожиданные ситуации и описывает Юрий Сотник в своих произведениях. Воображая самые смешные и невероятные ситуации, с помощью лёгкой иронии автор помогает понять детям, какие поступки правильные, а какие – нет.

За долгую творческую жизнь автор написал несколько десятков произведений.

Самые известные повести и рассказы Юрия Вячеславовича Сотника:

«„Архимед“ Вовки Грушина», «Про наши дела», «Невиданная птица», «Приключение не удалось», «Машка Самбо и Заноза», «Эликсир Купрума Эса», «Ясновидящая, или Эта ужасная „улица“», «На тебя вся надежда».

Глава первая

В белокафельной кухне Маршевых было светло и шумно. Там громко говорили за чаем и чему-то смеялись четверо взрослых. А в дальней от кухни комнате, освещённой настольной лампой, царил тишина. Впрочем, не совсем полная тишина: здесь говорили вполголоса или шёпотом.

– Пить хочется. Прямо кишки горят, – прохрипел Веня.

– Ну так иди попей, – сказал Родя.

– Ну их!.. Покажусь им на глаза – они спать пошлют. Чёрт меня дёрнул селёдки наесться...

– Давай тогда я принесу.

– И ты не ходи: вспомнят о нас и домой соберутся.

Помолчали. Веня тяжело вздохнул и зачмокал. Тут в Родиной голове появилась идея.

– Из таза будешь пить?

– Да хоть из чего! Я же сейчас как в Сахаре... или в Гоби этой самой...

– Тогда я в ванную тихонько проберусь и тебе в тазу принесу.

– Во! Валяй! Побольше только!

Родя на цыпочках вышел из комнаты, а Веня остался в темноте.

Апрель выдался на редкость тёплым, и окно было распахнуто настежь. У самого подоконника на деревянной треноге стояла самодельная подзорная труба, описание которой Родя вычитал в старой книжке без начала и конца. Он сделал её из двух картонных трубок – тубусов, которые вдвигались друг в друга. Объективом служило очковое стекло для дальнорезких, а окуляром – окуляр от театрального бинокля, разбитого Вениной мамой. Треногу

соорудил Веня. И вот теперь друзья собирались испытать своё детище, посмотреть на Луну и своими глазами разглядеть «морья», «океаны», а может быть, и кратеры, которые они видели на карте.

* * *

Друзья не учли одного: прямо от их дома тянулась широкая, но короткая Логовая улица, вдоль которой ёлочкой стояли многоэтажные здания. Небо было ясное, но луна пряталась за крышей дальней двенадцатиэтажной башни и скоро должна была выползти из-за неё.

Приятеля были научены горьким опытом: если Веня задерживался у Роды после девяти часов, раздавался звонок, Веню звали к телефону, и он слышал голос своей мамы:

«Вениамин! Тебе известно, который час? Немедленно домой!»

Сейчас стрелка часов приближалась к половине десятого, но у друзей ещё была надежда. Венины папа с мамой пришли поболтать с супругами Маршевыми, а когда взрослые Маршевы и Рудаковы сойдутся вместе, у них всегда найдётся о чём поговорить. Только бы их не побеспокоить! Только бы им случайно не напомнить, что у них есть сыновья, которым пора ложиться спать!

В комнату неслышно вошёл Родя с большим белым тазом.

– Я его сполоснул, конечно, – тихо сказал он и поставил таз на письменный стол.

Веня подошёл к тазу, сунул в него голову, но дотянуться до воды не смог: Родя принёс её не так уж много, края у таза были высокие, а Веня был маленького роста.

– Тут нужно шею как у журавля, – проворчал он. – Или клюв такой.

Он поставил таз на пол, опустился на четвереньки и стал пить. Родя в это время говорил:

– Там у нас ещё стакан есть с зубными щётками... но ведь ты побольше просил, а циркулировать туда-сюда – это дело рискованное.

– Бу, и прабильно бделал, пто таз прибёс, – пробулькал Веня.

Напившись, он водрузил таз обратно на стол, и приятели стали по очереди смотреть в трубу. Перед ними были сотни окон, и каждое светилось своим светом – жёлтым, красным, оранжевым, зелёным, голубым... Но эти окна друзей не интересовали. Их внимание привлекал лишь один дом – трёхэтажный. Он стоял в самом конце Логовой, перпендикулярно к ней, – значит, прямо напротив мальчишек. Его окна на первом этаже закрывали полупрозрачные занавеси, а окна второго этажа и третьего были только обрамлены цветными портьерами. Вот на них-то и была нацелена труба, которую друзья предпочитали называть не подозрной, а астрономической.

Дело в том, что в трёхэтажном доме помещался районный Дворец пионеров и школьников, и дворец не простой. Там, конечно, был и драматический коллектив, и танцевальный, и хоровой, и кружок художественной лепки и рисования, кружок «Умелые руки» и юных авиамоделистов... Но, помимо всего этого, при Дворце пионеров было научно-конструкторское общество «Разведчик». Некоторые члены этого общества выполняли исследования по заданию настоящих учёных из настоящих научно-исследовательских институтов и конструировали приборы по поручению настоящих заводов и фабрик. Дворец был построен сравнительно недавно; шефы не поскупились на оборудование, и таких мастерских и лабораторий, как у этого районного дворца, не было даже в городском Дворце пионеров.

От старшеклассников Родя и Веня слышали, что в общество «Разведчик» принимают лишь тех, кто уже создал какую-нибудь собственную конструкцию или провёл самостоятельное исследование. Оба надеялись, что, если астрономическая труба у них получится, их в общество примут.

Поле зрения у трубы было очень маленькое. Приятели заглядывали поочередно то в одно незашторенное окно, то в другое. Они видели движущиеся фигурки ребят и взрослых, но ни лиц, ни подробностей обстановки в помещениях разглядеть не могли. Может быть, стёкла на окнах были запылённые, может, дело было в трубе.

Постепенно свет в окнах стал гаснуть. Потухали сразу два окна, три, а то и четыре. Как видно, это зависело от размера помещения, которое находилось за ними. Скоро погасло последнее окно.

– Все ушли, – прошептал Веня.

А луна ещё не появлялась. Мальчики сели на кушетку и в который раз принялись разглядывать журнал с картой лунной поверхности.

Прошло минут десять, а может быть, и пятнадцать. Из кухни продолжали доноситься весёлые голоса, и непохоже было, что Рудаковы собирались уходить.

– Родька! – вдруг сказал Веня. – Да ведь сегодня пятница!

– Ну и что?

– У взрослых завтра выходной, а они забыли, что нам-то в школу идти, и сидят себе!

Эта мысль развеселила ребят, и они некоторое время дурачились, тихонько смеясь и толкая друг друга кулаками. Потом Родя встал, подошёл к трубе и прильнул глазом к окуляру. Вдруг он замер на несколько секунд, потом выпрямился:

– Венька! А ну-ка посмотри! Ты ничего не замечаешь?

Труба оставалась наведённой на Дворец пионеров. Веня долго смотрел в неё, слегка передвигая трубочку окуляра, наконец проговорил неуверенно:

– Похоже... похоже, окошко чем-то чёрным занавесили, а сверху свет пробивается. Э!.. Смотри! И в другом окне тоже светится, только чуть поменьше.

Место у трубы снова занял Родя. Теперь он уже не сомневался, что оба окна занавешены чёрными шторами. Похоже было, что эти шторы висели на гвоздях, прибитых к углам оконной рамы, и наверху немного провисали. Друзья помолчали, глядя друг на друга.

– Интересное дело! – сказал Родя.

– Интересное дело! – повторил Веня.

– Ты ведь точно помнишь, что оба окна не были занавешены?

– Да я, как сейчас, их перед глазами вижу.

– Выходит, после того как дворец закрыли, в той комнате снова свет зажгли, а окна занавесили.

– Выходит, что так.

Родя вернулся к трубе. Он слегка передвинул её вправо и опять увидел узкую полоску света, уже в третьем окне. После этого он дважды провёл трубой вдоль всего второго этажа, но в других окнах нигде света не было. Родя снова повернулся к Вене:

– Значит, так: это четвёртое, пятое и шестое окна от правого угла. Ты занимался там в кружке «Умелые руки». Может, вспомнишь, что там за помещение... ну, с этими окнами – четвёртое, пятое и шестое от угла?

– Так... «Умелые руки» находятся на третьем этаже, а на втором... общество это... «Разведчик».

– А может, всё-таки припомнишь?

Родя сел и теперь смотрел на маленького Веню снизу вверх. Тот некоторое время молчал, почёсывая нос, потом заговорил:

– погоди! Значит, на втором этаже крайняя дверь по коридору – это лаборатория электроники.

– Точно помнишь?

– Точно. На двери табличка висит. – Веня снова помолчал. – А вот рядом дверь... наверное, она самая и есть. Вроде... вроде бы химическая лаборатория. Если химическая – тогда дело ясное: там Купрум Эс порядок наводит. Он, сам знаешь, как вкалывать любит.

Купрум Эс – так за глаза школьники звали учителя химии Куприяна Семёновича, который по совместительству руководил во Дворце пионеров химической лабораторией. Он был стар, чудаковат, но старшеклассники его за что-то и любили, и уважали.

– Хорошо, – сказал Родя. – Предположим, что там Купрум Эс порядок наводит. Но, во-первых, как он туда попал, если Дворец пионеров заперт, а во-вторых, зачем ему занавешиваться?

Веня пожал плечами:

– Ну, насчёт как туда попал – у него ключ свой может быть. Всё-таки это тебе не кто-нибудь, а Купрум Эс. А насчёт занавешивания... Мою маму, например, раздражает, если окна вечером не занавешены.

Родю такой ответ не удовлетворил.

– Значит, по-твоему, так получается: пока в лаборатории занятия шли, голые окна Купрума Эса не беспокоили, а когда он один остался – раздражать начали. Нет, тут что-то...

Родя не договорил. Веня случайно взглянул в окно и вскрикнул почти во весь голос:

– Э!.. Луна!

Большая, чуть кособокая луна висела рядом с крышей дальнего двенадцатиэтажного дома. Родя бросился к трубе и стал наводить её на луну, а Веня схватил журнал и стал рядом с ним, торопливо говоря:

– На! Смотри на карту и ищи. Чего-нибудь крупное для начала ищи. Во! Океан Бурь ищи!

И в эту минуту голоса взрослых послышались из передней.

– Родька! – почти закричал Веня. – Наши домой собираются. Смотри скорее и дай мне! Океан Бурь...

На пороге появилась Венина мама:

– Венька, ты знаешь, который час? Половина одиннадцатого!

– Мам!.. Сейчас! Ну сейчас! Венина мама повысила голос:

– Вениамин, никаких «сейчас»!

– Всё! Пока! – со вздохом сказал Веня и направился к двери.

Родя проводил друга, потом быстро постелил постель, разделся, вышел в одних трусах сказать родителям «спокойной ночи», вернулся в комнату и, погасив свет, продолжал свои астрономические наблюдения. Он хорошо запомнил, как выглядят самые большие тёмные пятна на карте Луны, однако ему пришлось попытаться, прежде чем он обнаружил с помощью трубы сливающиеся друг с другом Океан Бурь, Море Дождей и Море Ясности.

И всё же Родя был доволен. Как ни была несовершенна его труба, а всё-таки с её помощью «океан» и два «моря» были видны яснее, чем невооруженным глазом. Ложась спать, Родя решил: на днях они с Веней пойдут и запишутся в научное общество. В секцию астрономии.

Глава вторая

В каждом классе есть свой силач, своя красавица и свой мыслитель. Бесспорным силачом в пятом «Б» был Лёшка Павлов: он справлялся с любым мальчишкой в классе одной рукой. Мыслителем можно было назвать Родю, который постоянно «генерировал», как теперь выражаются, всякие увлекательные идеи. Красавицей была Зоя Ладошина. И не только красавицей, она ещё была председателем совета отряда, и это своё положение Зойка ценила больше, чем положение первой красавицы в классе.

На следующее утро, когда Родя и Веня шли в школу, по другой улице шла туда и Зоя, шла не одна, а в сопровождении своего «актива» – так она называла шестерых ребят, окружавших её. Время было раннее, и Зоя шла неторопливо, красиво вытягивая ноги в красных туфельках, чуть поводя при каждом шаге плечами, на которые спадали чёрные локоны. Неторопливо шагала и так же неторопливо говорила:

– Не знаю... Если меня даже и выдвинут снова председателем, я, наверное, всё-таки откажусь.

Эта фраза вызвала у «активистов» негодование.

– Зойка! Ой!.. – пискнула Нюся Касаткина. – Ты с ума сошла!

– Зо-о-о-я! – протянула Соня Барбарисова. – Как тебе только не стыдно такое говорить!

– Не выдумывай, Зойка, давай лучше не выдумывай, не выдумывай! – забубнил толстый редактор стенгазеты Шурик Лопухов.

Зоя передёрнула плечами:

– Ну, граждане, почему всё я да я? Надо же немножко отдохнуть! Как будто, кроме меня, никого не найдётся, чтобы председателем быть!

– Ну, кто найдётся? Ну, кто найдётся? – снова запищала маленькая Нюся. – Думаешь, я? Так меня в собственном звене никто не слушается, вот!

Соня Барбарисова старалась говорить как можно убедительней:

– Зоя, ты вот подумай и пойми: из нас из всех никто таким авторитетом в отряде не пользуется, как ты. А остальные ребята в классе – так ты сама знаешь, какие они пассивные: ничего не хотят делать по общественной работе. – Соня угрожающе подняла палец. – Зоя! Вот увидишь, если ты не будешь председателем, вся работа замрёт!

– Развалится вся работа, развалится работа, развалится! – загудел редактор.

Будь «активисты» чуть посмекалистей, они бы сообразили, что Зоя не собирается расставаться с постом председателя, что, наоборот, она весьма обеспокоена предстоящими на днях переВыборами совета отряда. Весь этот разговор она завела не для того, чтобы просто поломаться перед своими приверженцами, а чтобы узнать, сколь твёрдо они собираются отстаивать её кандидатуру. Но Зою окружал народ простодушный, и, покосившись на ребят, она убедилась, что все они серьёзно озадачены и огорчены. Маленькая Нюся шла опустив голову, держась двумя руками за ручку портфеля, который при каждом шаге бил её по коленкам. Продолговатое лицо Сони Барбарисовой вроде бы ещё больше вытянулось, а маленькие глазки редактора стали совсем круглыми.

Помимо Нюси, Шурика и Сони, Зою сопровождали ещё трое: долговязый Жора Банкин и две беловолосые, почти безбровые сёстры-двойняшки Настя и Катя Мухины. Они, по своему обыкновению, молчали, но вид у них тоже был огорчённый. Ведь до сих пор эти ребята были очень довольны «мудрым» руководством Зои Ладошиной.

Школа номер двадцать восемь была новая, ребята учились в ней только первый год, поэтому выборы в пионерской организации проводили не прошлой весной, а в начале учебного года. Со старшей пионервожатой школе не повезло: она всё время болела. Зато вожатая отряда появилась в пятом «Б» с первых дней сентября. Это была маленькая и очень энер-

гичная девятиклассница, с быстрыми движениями и узким строгим лицом. Звали её Дина Коваль. В то время она твёрдо решила посвятить свою жизнь педагогической деятельности. (До этого Дина так же твёрдо решила стать сначала юристом, потом врачом, потом художником-модельером.) Работа у неё на первых порах закипела. Дина сразу заметила в классе бойкую, властолюбивую Зою и предложила ребятам избрать её председателем совета отряда. Зою избрали. Та в свою очередь предложила выбрать редактором стенгазеты Шурика Лопухова, потому что он неплохо рисовал, и Шурика выбрали. Остальных членов совета выбрали почти наобум, так как ребята ещё мало знали друг друга.

Дина не стала заглядывать в журнал «Вожатый», чтобы узнать, какими делами можно увлечь пионеров. Она имела свои соображения на этот счёт. У неё был брат-семиклассник, который грубил матери и ничего не хотел делать по дому, поэтому она первым делом решила воспитать в своих пионерах уважение к родителям и стремление во всём им помогать. Началась подготовка к сбору на тему «Моя семья». На заседании совета отряда Дина сказала, что в начале сбора должны будут выступить два человека: один на тему «За что я люблю своих родителей», а другой на тему «Как я помогаю маме». Вожатая считала, что после такого вступления ребята разговоятся и каждый поведаст о том, за что он любит папу и маму и как он помогает по хозяйству.

– А если покритиковать ещё кого-нибудь? – предложила Зоя. – Вот Генка Добровольский... он у нас в подъезде живёт... так он ничего дома не делает, даже за хлебом его послать не могут.

Дина серьёзно посмотрела на Зою:

– А тебя не зря выдвинули председателем. Очень дельное предложение. Кто ещё хочет сказать?

Среди членов совета была маленькая, робкая Нюся Касаткина. Ей захотелось, чтобы вожатая похвалила и её. Она подняла руку.

– А мо... а можно... – пропищала она, запинаясь от волнения, – можно, я выступлю на тему, как я помогаю маме? Я картошку чищу, за хлебом хожу, пол подметаю...

– Прекрасно! Вот и запишем это выступление за Нюсей. У кого ещё будут предложения?

Среди членов совета был Веня.

– По-моему, скукота получится, – пробормотал он.

Дина выпрямилась на стуле:

– Как? Что ты сказал?

– Скукота получится. Ну, что мы, октябрята? «За что я люблю маму... Как я помогаю родителям...»

– Пожалуйста! Предложи что-нибудь интересней. Ну?

– Подумать надо, – сказал Веня.

– Ну что ж! Ты думай, а мы будем работать, правда, ребята? Критиковать да раздумывать всегда легче, чем действовать. Вера, а что ты скажешь?

– А? – спросила Вера Полозова. Она пыталась изобразить в тетрадке волка из мультфильма «Ну, погоди!» и ничего не слышала.

С тех пор Дина перестала называть Веру и Веню пионерскими активистами, хотя они и продолжали числиться в совете отряда.

Завербовать второго выступающего оказалось не так-то просто. К кому бы ни обращалась Зоя, все отказывались. Один говорил, что у него других дел по горло, другие называли тему выступления глупой, но почему они так считали – объяснить не могли. Наконец, дошла очередь до очень прилежной отличницы Сони Барбарисовой, которой её пятёрки доставались с большим трудом. Тут уж Зоя решила не отступать. На перемене она подошла к Соне сдвинув брови:

– Барбарисова, у меня к тебе такой вопрос: ты своих родителей любишь?
– Люблю. А что? – тихо спросила Барбарисова.
– Вот двенадцатого ты выступишь на сборе и расскажешь, за что ты любишь своих родителей.

– Зо-о-о-я! – протянула Соня. – Зо-о-о-я, но я же никогда не выступа-а-а-а-ла!

– Не выступала, а теперь выступишь. Надо ведь когда-нибудь привыкать.

Соня немного подумала, потом замотала головой:

– Нет, Зоя, я просто не смогу... Я даже не знаю, как начать это выступление.

– А ты заранее всё обдумай и выступи.

Соня снова подумала.

– Зоя, понимаешь, если я даже что-нибудь придумаю, я... как начну выступать, так сразу растеряюсь и всё перезабуду.

– А ты на бумажке напиши. Возьми тетрадку и напиши. Вроде доклада получится.

В тот день Соня Барбарисова не вышла гулять ни на минуту. Сразу после школы она засела за уроки, а потом весь вечер промучилась, пытаясь сочинить выступление. Попросить помощи у родителей она не решалась: было как-то неловко спрашивать папу с мамой, за что она их любит. Бледная, похудевшая за одни сутки, она на следующий день сказала Зое, что у неё ничего не получается, и та ответила:

– Придёшь вечером ко мне, я тебе помогу.

Вечером Соня явилась, и дело у них пошло.

– Кем твой папа работает? – спросила Зоя.

– Бригадиром... на стройке...

– Что он строит?

– Дом... жилой...

– У него эти... как их? Показатели хорошие?

– Не... не знаю.

– Пойди к телефону и спроси.

Соня пошла к телефону. Её папу заинтересовало, почему дочке требуются сведения о его производственных показателях. Соня отказывалась говорить.

– Ну, папа... – тянула она плачущим голосом. – Ну, мне нужно! Ну, я потом скажу...

Но отец настаивал, и Соня призналась наконец, что она пишет «доклад». После этого она вернулась к Зое и доложила:

– План прошлого полугодия папина бригада выполнила на сто одиннадцать процентов, а план в этом месяце они думают выполнить на сто пятнадцать.

Зоя тут же усадила Соню за стол, сама стала одной коленкой на стул и, держась за спинку, принялась диктовать:

– Пиши: «Я люблю своих родителей за то, что они очень хорошие и трудолюбивые люди. Мой папа... этот... производственный отличник...» Нет! «Отличный производственный. Он строит жилые дома. Его цех...» Что? Не цех? Бригада? «В прошлом полугодии выполнили план...» На сколько? «...на сто одиннадцать процентов, а в этом месяце они дали слово выполнить план на сто пятнадцать процентов. Папа очень любит свой благородный труд, болеет за него душой, поэтому его бригада выполняет такой хороший план». – Зоя помолчала, отдыхая. – Так! Ну, а теперь... кто твоя мама?

– Хозяйка... домашняя...

Зоя так же быстро управилась с Сониной мамой, рассказав, как она создаёт хорошие бытовые условия для своего мужа, для Сони, для двух её старших братьев и для старенькой бабушки.

Известие, что их тихоня дочка собирается выступить на сборе отряда, приятно взволновало Сонину маму, папу и бабушку. Даже братья отнеслись к этому с некоторым интересом. Сонино выступление называли не иначе как докладом и читали его соседям...

С выступлением, критикующим Генку Добровольского, который не помогает маме, у Зои всё получилось неожиданно легко и просто. Зоя вспомнила, что на одной площадке с Генкой живёт Жора Банкин. Он был такой же тихий и незаметный, как Соня, и даже внешне походил на неё: такой же худенький и долговязый. С хулиганистым Генкой он не дружил, но Зое было известно, что их мамы общаются между собой. Знала Зоя и то, что она нравится Жоре: всякий раз, когда она на него смотрела, он расправлял узенькие плечи и делал равнодушное лицо. И вот однажды она подошла к Жоре и сказала голосом мягким, почти нежным:

– Жора, можно тебя на минуточку? Мне надо с тобой поговорить.

– Пожалуйста, – прошептал Жора, и они вышли на площадку школьной лестницы, где не было толкотни. Жорино лицо было бледное, а оттопыренные уши его горели.

– Ты знаешь, что Генка Добровольский ничего не делает по дому, нисколько не помогает матери?

Жора смотрел на Зою очень пристально, даже слегка испуганно. Впервые за всё время в школе первая красавица класса обращалась именно к нему. Он проглотил слюну и ответил торопливо:

– Знаю. Его мама говорила... моей маме...

Зоя склонила голову набок и посмотрела на Жору серьёзными тёмными глазами:

– Жора, у меня к тебе просьба. Двенадцатого мы проводим сбор... Выступи, пожалуйста, и покритикуй Гену за то, что он не помогает матери.

Жора закачался, переступая с ноги на ногу:

– Но я... Понимаешь, я... Всё-таки как-то... в семейные дела... всё-таки неудобно как-то...

Зоя сделала каменное лицо, и голос её зазвучал сухо:

– Какие же это семейные дела, если у нас в классе растёт тунядец? По-моему, это общественные дела. – Она передёрнула плечами и сделала вид, что собирается уйти. – А вообще я тебя понимаю: ты просто боишься, что Генка тебе по шее надаёт.

Тут у Жоры покраснели не только уши, но и всё лицо.

– А я... я разве отказываюсь? Я просто так сказал, что немножко неудобно как-то... А вообще... пожалуйста, я... я не отказываюсь.

Одиннадцать человек со сбора сбежали, но двадцать пять всё-таки присутствовали. Соня Барбарисова хоть и читала по бумажке, но то и дело запинаясь. Нюся Касаткина довольно бойко рассказала, как она чистит картошку, моет посуду, ходит за хлебом и за молоком. Затем Жора в очень деликатной форме покритиковал тунядца Генку.

– Мне кажется, Гена... ты... ты ведёшь себя не совсем... не совсем по... порядочно, – закончил он.

– Кто ещё хочет выступить? – спросила Зоя, но в ответ последовало молчание.

– Ну, ребята!.. Какие вы все пассивные! – проговорила Дина. – Неужели ни у кого не найдётся что сказать о своих родителях?

Пока вожатая призывала ребят к активности, сестры Мухины ёрзали за своим столиком, о чём-то шептались и толкали друг друга локтями. Их поразило то обстоятельство, что застенчивые Нюся, Жора и Соня вдруг набрались храбрости и выступили на сборе. Сёстры долго спорили шёпотом между собой, наконец Настя подняла руку, и её пригласили к учительскому столу. Красная, словно из кипятка вытащенная, Настя сообщила отряду, что они с Катей не только чистят картошку, моют посуду и ходят в магазины, но и научились обращаться с пылесосом и помогают маме убирать квартиру. После этого ещё минуты три Зоя спрашивала, кто желает выступить, а Дина упрекала ребят в пассивности.

Получилось, что весь сбор отряда длился какие-нибудь двадцать минут, но по окончании его вожатая сказала Зое:

– Ничего! По крайней мере, сегодня выявился настоящий актив. Как фамилии ребят, которые выступали?

Зоя назвала имена и фамилии.

– Ну вот! В дальнейшей работе ты на них и опирайся. Они, правда, немножко стеснялись, но у них есть вкус к общественной работе.

Когда участники сбора выходили из школы, Гена обратился к Жоре:

– Ну-ка ты, порядочный! Поди сюда!

Жора подошёл.

– Чего это ты, порядочный, лезешь в мои личные дела?

Ответить Жора не успел, потому что Гена дал ему кулаком по скуле. И тут оказалось, что бледный, узкогрудый Жора очень неплохо дерётся. Никто даже разглядеть не успел, как он сбил коренастого Генку с ног, как сел на него верхом (Гена лежал на животе). Все увидели только, что Жора вцепился в Генкины волосы и бьёт его носом об асфальт. Их растащили старшекласники. Нос у Генки был разбит, но он родителям не пожаловался: самолюбие не позволило. На другой день Зоя предложила Дине устроить экстренный сбор и обсудить поведение Жоры и Генки, но вожатая заколебалась. С одной стороны, Генка поступил нехорошо, ответив кулаками на справедливую критику, но с другой стороны, и Жоре не следовало раз-

бывать Генкин нос об асфальт. Дина так и не смогла определить, кто из двоих подравшихся больше виноват, и в конце концов предпочла совсем не обсуждать этого вопроса.

Как бы там ни было, а самые незаметные ребята в классе вдруг сделались «активистами», в то время как члены совета отряда, за исключением Нюси и Шурика, стали увиливать от заседаний.

Глава третья

А ещё недели через две Дина твёрдо решила, что её настоящее призвание не педагогическая деятельность, а работа гидом в «Интуристе». Она засела за английский язык и потеряла всякий интерес к обязанностям пионервожатой. На сборах и заседаниях совета отряда она, правда, бывала, но всякий раз минут через пятнадцать говорила, что ей необходимо куда-то уйти, и оставляла всё на Зою, чем та была очень довольна.

Почти весь учебный год у Зои и её «активистов» кипела бурная деятельность.

Стенгазета «За отличную учёбу» выходила регулярно. Шурик, правда, не умел редактировать заметки, а тем более их писать, зато у него получались очень красивые заголовки. Писали заметки всё те же Соня, Жора, Нюся и сёстры Мухины под наблюдением Зои. Разнообразием заметки не отличались. Предположим, первого числа в одной из них критиковался Юра Дергачёв за то, что стал отставать по математике, а в другой хвалили Петю Короткова за то, что он учится только на четвёрки и на пятёрки. Пятнадцатого числа критиковали Костю Переверзева за то, что он разговаривает на уроках, и хвалили Машу Салтыкову за то, что она учится на одни пятёрки. Была в каждом номере ещё и третья заметка. Она называлась «Наши задачи» или ещё как-нибудь в этом роде. В таких заметках говорилось о том, что классу нужно повысить борьбу за успеваемость или усилить борьбу с нарушителями дисциплины.

Были в газете и карикатуры. Шурик рисовал их неплохо, но разнообразием они тоже не отличались. На них изображался или ученик, спящий, положив голову на учебник, или ученик, ковыряющий в носу, глядя в потолок, или ученик-верзила, колотящий малыша или девочку. Какая ни была газета, но выходила она регулярно, за что Дина хвалила и редактора, и Зою.

В своей кипучей деятельности Зоя не удовлетворялась планом работы, намеченным вместе с Диной. Она пошла дальше. Она составила список самых матёрых двоечников и к каждому из них прикрепила одного из своих «активистов», чтобы те помогли им в учёбе.

Жора, изрядно намучившись, всё-таки помог Дергачёву исправить двойку, но остальные оказались плохими педагогами. Объяснить что-нибудь толком они не умели и каждое занятие кончали тем, что решали за двоечников задачи и подсказывали им, как писать упражнения. Лодыри-двоечники были очень довольны, но всё это не помешало им остаться двоечниками до конца учебного года.

«Активисты», повторяю, были счастливы. До этого их почти никто не замечал, да и многие из них часто не умели занять себя чем-нибудь помимо уроков, а теперь их жизнь была насыщена всякими неотложными делами, они почти каждый день устраивали совещания, о них с похвалой отзывалась вожатая, их имена часто появлялись в стенной газете, и домашние с гордостью говорили о том, какая у них огромная общественная нагрузка.

Но больше всех наслаждалась своим положением Зоя. Приходя из школы домой, она жаловалась бабушке на усталость, после обеда ложилась на диван, читала какой-нибудь журнал, а полежав с полчаса, отправлялась в папин кабинет. Папа был директором станкостроительного завода. По вечерам он звонил на завод, справлялся, как работает вечерняя смена, отдавал всякие распоряжения. Теперь Зоя тоже садилась за папин письменный стол и брала телефонную трубку.

– Барбарисова? Это Лadoшина. Как дела с заметкой про Паукова? Смотри, пятнадцатое число на носу...

– Жору, пожалуйста! Банкин? Привет! Завтра тебе придётся немножко задержаться после школы: сёстры Мухины пойдут к Валерки Иванова родителям говорить насчёт его успеваемости, а Валерка обещал их на улице за косы оттащить. Так что ты с ними пойдёшь. Чтобы он их не оттащил...